

Роман ВИКТЮК:

Мир лежит в хаосе, а любовь агонизирует!

МАЭСТРО ОТМЕТИЛ
75-й ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.

И САМ ПРЕПОДНЕС СЕБЕ ПОДАРОК —

ПОСТАВИЛ СПЕКТАКЛЬ ПО ДРАМЕ ФРИДРИХА
ШИЛЛЕРА «КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ»

Все актеры Виктюка — дивной красоты.

В Петербурге премьера прошла на сцене Мюзик-холла. Организаторы гастролей назначили «Вечёрке» интервью с режиссером на семь вечера, но маэстро наотрез отказался: «Это исключено! Я должен быть рядом с артистами! Это премьера, поймите же! Приходите после спектакля». И умчался — только мелькнул за поворотом красивый черный пиджак с блестками.

Спектакль публика приняла с восторгом, было море цветов, криков «браво!», актеров долго не отпускали. Хотя я видела, как во время спектакля люди все же покидали зал, а сидевшие рядом со мной пожилые интеллигентные дамы возмущались постоянным грохотом дверей в странных серебристых

конструкциях, стоявших на сцене. То ли телефонные будки, то ли гробы. Покосившиеся, будто после взрыва.

Этот постоянный грохот и чеканный стук тяжелых кованых сапог артистов, одетых в какие-то туники, наподобие античных, действительно носили раздражающую нотку, но, может, так и было задумано режиссером? Артисты, говорившие речитативом, будто пребывая в трансе, порой переходили на немецкий язык. Звучали какие-то шаманские напевы композитора Владимира Мартынова в исполнении ансамбля Покровского, а то вдруг тишину взрывали бряцающие железом песни «Раммштайна», и после них голос звезды времен третьего рейха Марики Рёкк казался особенно нежным.

Для тех, кто привык к классическому театру, такое зрелище трудно вынести. Мои соседки не ушли только потому, что на сцене время от времени появлялся ку-

мир женщин всех возрастов Дмитрий Бозин. Даже в роли одного из двух червей (персонаж Шиллера по фамилии Вурм раздвоился и превратился в настоящего червя) он был неотразим. Этот классический, тонкий профиль, эти длинные кудри, этот чувственный, обволакивающий тембр...

После того как отзвучали аплодисменты, мы отправились на сцену, где настойчивые поклонницы умоляли маэстро сфотографироваться с ними на память. «Давай! Только быстро, быстро!» — Роман Виктюк никому не отказывал. Так и шли за ним по темному закулисию, сопровождаемые поклонницами. И неизвестно, сколько бы шли и куда бы пришли, если б Роман Григорьевич в темноте вдруг не споткнулся. Воскликнув: «Господи, да здесь же можно упасть три раза!» — он наконец остановился. «Тихо!» — приказ поклонницам. «Ну что, мы пишем?» — это уже нам с фотокором.

— Эту пьесу Шиллера «Коварство и любовь» вы ставили не раз. Чем отличается новый спектакль от прежних?

— Ничем, ничем. Потому что Шиллер написал это пророческое произведение в 25 лет, а его первый раз ставил в 14, когда Луизу играла та девочка, которую я обожал, а она обожала меня. И я играл, конечно же, Фердинандо. И вот это ощущение детское — романтической влюбленности — осталось в памяти навсегда. Второй раз я ставил эту пьесу, когда был главным режиссером в Калининне, Твери. И вот сейчас, когда у меня день рождения и мне исполнилось 19 лет (улыбается), я опять ставлю «Коварство и любовь». Но теперь в спектакле играют ребята, которым чуть больше 20 лет.

— Все пишут о том, что в Калининне ваш спектакль увидел Марчелло Матростройни, но никто не пишет, как он там оказался...

— Это правда. Тогда в Калининне снимали фильм «Подсолнухи», и вся группа пришла на мой спектакль. Потом Матростройни мне сказал, что они ничего хорошего не ждали, думали, что Тверь — это снега, медведи, бескультурье. А оказывается, это самая что ни на есть Европа. Матростройни кричал: «Дайте мне этого реджиста!» Я пошел знакомиться, иду, а он кричит: «Дженео!» Я ему в ответ: «Я — Роман!» И он захотел написать

отзыв о спектакле. Я дал ему какую-то тетрадочку в клеточку за две копейки, и он написал. А тетрадочка попала в те органы, которые бдительно следили за нашей нравственностью. Они сказали: «Если капиталистам это нравится, значит, там есть неконтролируемые ассоциации!» И вот столько лет прошло, а я так и не разгадал, что же это за ассоциации такие.

А потом, когда я ставил в Италии, в Риме, с Валерией Морикони тургеневский «Месяц в деревне», то никак не мог подобрать артиста на вторую роль. И я сказал: «Эту роль может играть только один артист — Марчелло Матростройни!» На меня посмотрели как на сумасшедшего, сказали, что у нас не хватит денег, чтобы ему заплатить. А я предложил созвать пресс-конференцию, где рассказал журналистам эту историю. Во всех газетах об этом написали, Матростройни прочитал и сказал: «Я согласен играть у этого режиссера бесплатно!» Но он не успел, умер. Очень жаль, он был одним из самых потрясающих артистов прошлого века.

— У вас актеры все дивной красоты...

Вон Жора Бурков. Все кричали, что он некрасивый. Но он же играл в моем спектакле «Старая актриса на роль жены Достоевского» с Таней Дорониной!

— (Быстро, не дослушав вопрос до конца.) Это пожалуйста!

— Это ваша режиссерская политика — брать только красавцев?

— (Возмущенно.) Да боже упаси! Все так само складывается. Вот, например, вечером вы сидите на даче, в форточку на свет летят красивые бабочки. Уродки не прилетают, прилетают красивые, потому что они хотят войти в свет. Красота — это свет и сияние. Все! И когда есть этот внутренний свет в человеке, тогда тело соответствует духу.

— Вы часто говорите, что мир безобразен, а искусство — единственно возможный способ сопротивляться его уродству. Неужели все так плохо?

— Мир плебейский, мир лежит в хаосе, цинизме, разврате, а любовь агонизирует на Земле. Она — редкий цветок. И театр должен кричать во весь голос: «Люди, подумайте о себе. Как вы можете жить без любви?» Любовь — это и есть сама жизнь. Об этом мой спектакль «Коварство и любовь», который я подарил сам себе на день рождения. Хотя, конечно, еще и о власти.

— А чего было больше в вашей жизни — коварства или любви?

— Если излучаешь свет, то коварство никак

В прошлые времена мои спектакли закрывали, артисты умирали, не выдерживая жутких отношений власти... И все равно — бесполезно! Мое искусство живет.

не может поймать тебя в свои сети. Вот солнышко светит, и хоть ты стреляй в него — оно все равно будет светить! В прошлые времена мои спектакли закрывали, артисты умирали, не выдерживая жутких отношений власти... И все равно — бесполезно! Мое искусство живет. И вот сегодня опять я ставлю «Коварство и любовь», в котором уже играют мои студенты.

— Вы работали со многими звездами нашего театра и кино...

— Я работал со всеми великими и самыми красивыми нашими актрисами второй половины XX века! Фантастическая Людмила Гурченко, Наташа Макарова, Тая Дорониная... Даже боюсь, что я кого-то пропущу. Алиса Фрейнд-

лих, Лия Ахеджакова, да боже ж ты мой, даже Макасова!

— Что всех этих великолепных и очень востребованных женщин привлекало в вас? Почему они всегда бросали свои дела ради участия в ваших спектаклях?

— Это лучшая десятка женщин. И что я мог им дать такого, чего бы у них еще не было? Только любовь. Все! Я любил их, и они любили меня. Это взаимобмен любовью.

— Тексты зонгов, которые звучат в «Коварстве и любви» в исполнении «червей», написал Валентин Гафт. Я слышала, вы собираетесь снять о нем фильм?

— Да, я бы хотел. Это один из последних великих артистов нашего театра и кино, великий романтик, до старости остающийся ребенком. Настоящий актер, актер божьей милостью — всегда ребенок. Все великие наши актеры были детьми. Кирилл Лавров, Миша Ульянов, Саша Лазарев. Они играли не ради денег.

А сейчас детство никому не нужно.

Тут наше спонтанное интервью на лестнице заканчивается, Романа Григорьевича чуть ли не под руки тащат в зал, где уже все готово к банкету по случаю премьеры.

Напоследок вечеринский фотокор просит режиссера снять черные очки, чтобы сделать снимок.

— Ой, да пожалуйста (быстрым жестом сдергивает дизайнерские очки)! Наивная! Она думает, что без очков что-то изменится, я стану лучше!

Попозировав полминуты, Роман Виктюк убегает, а мы думаем, что он — тоже большой ребенок. И что в действительности ему не 75, а никак не больше 19 лет.